

**РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ**

О том, как трудно решать
чужую судьбу, когда
не можешь разобраться
в собственной,
читайте в цикле романов
МАРИИ ВОРОНОВОЙ

**МАРИЯ
ВОРОНОВА**

**ИДЕАЛЬНАЯ
ЖЕНА**

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии
и иллюстрация на переплете А. Дурасова
Издание осуществлено при содействии Н. Я. Заблоцкиса

Воронова, Мария Владимировна.
В75 Идеальная жена / Мария Воронова. — Мо-
сква : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106801-1

Судья Ирина Полякова вышла замуж и беременна. Ей поручают весьма легкое, заведомо оправдательное дело — судить врача Ульяну Тиходольскую, которая, спасаясь от насильника, убила его. О том, что женщину нужно оправдать, пишут в газетах, в защиту коллеги — талантливого акушера-гинеколога — собрали подписи ленинградские доктора. Но один из народных заседателей раскапывает нечто весьма странное из прошлого Ульяны, и судья начинает колебаться...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106801-1

© Воронова М., 2020
© Оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Дождь сразу зарядил сильный и быстро превратился в настоящий ливень. Вода струилась по решетчатым окнам веранды, с напористым журчанием низвергалась по желобу в противопожарную бочку. Капли били в крышу так, будто хотели простучать морзянкой что-то важное, молодые листочки на кустах сирени под окном трепетали, а на дорожке активно кипела лужица. Дальше все скрывалось за сплошной жемчужной стеной дождя.

Ирина улыбнулась и нехотя протянула руку к тоненькой брошюре цвета красного вина. Дверь с улицы быстро открылась, вбежал Кирилл, отфыркиваясь, как мокрая собака, пронес через веранду охапку дров.

Дверь в дом он оставил распахнутой, и, делая вид, что читает, Ирина смотрела, как он в комнате открывает печь, ловко закидывает дрова, а на его спине под легкой футболкой перекачиваются мышцы.

Сейчас дрова займутся, и печь уютно загудит, но сквозь шум дождя Ирина этого не услышит.

Кирилл вышел на веранду.

— Ир, что-то газетку не найду. Ты свой устав дебилный еще не выучила?

Она покачала головой.

— Дай, а то растопить нечем.

— Не начинай, пожалуйста.

— Ладно, ладно. В холоде посидим, раз такое дело.

Ирина огляделась. На этой даче она стала хозяйкой совсем недавно и еще не успела обрасти бумагами, которые теперь можно было бы сжечь.

— И то правда, я бы лучше этот устав употребил по другому назначению газет, — хихикнул ее муж.

— Фу.

— Дай хоть пару страничек.

— Ага, сейчас! А если кто-нибудь найдет? Нет уж, если жечь, то целиком.

— Ни фиги в тебе память поколений говорит! — Кирилл уважительно присвистнул. — Чай, не тридцать седьмой год на дворе, а ты все шугаешься.

Ирина вырвала листок из тетради, в которой делала заметки.

— На. Хватит тебе?

— Обижаешь.

Кирилл быстро растопил печку и вернулся к Ирине, лег на диван рядышком под теплый плед и через ее плечо заглянул в текст.

— Какая ересь, господи! Жаль, что не пожгли.

— Кирилл, ну сколько можно! Если я хочу стать депутатом, то мне обязательно нужно до декрета вступить в партию.

— А ты хочешь?

— Да, представь себе, хочу!

Муж прижался покрепче.

— А может, не надо?

Ох, как Ирине хотелось согласиться! Выкинуть чертов устав и притулиться к сильному плечу му-

жа, ни о чем не думать, а просто слушать напористый шепот дождя.

— Надо, — буркнула она, отодвигаясь.

Кирилл засмеялся:

— Хочешь быть руководящей и направляющей силой не только для меня одного?

— Просто хочу что-то делать. Что-то менять, — вздохнула Ирина, — я же рвусь в депутаты не ради буфета и прочих привилегий. Мне интересно, и пусть я нескромная, но мне кажется, что я способна принести пользу людям. А раз входной билет туда — членство в партии, то надо вступить, и все. В конце концов, взносы нас не разорят.

Кирилл положил руку ей на живот, послушать, не шевельнется ли ребенок.

— Я знаю, Ирочка, что ты у меня очень умная, — шепнул он, — и смелая, и порядочная, и самостоятельная, и будешь прекрасным депутатом. Только это условие не напоминает ли тебе экзамен на приспособленчество?

— В смысле?

— Получается, что ты должна принять убеждения, которые не разделяешь, и поклясться в том, во что не веришь.

— Ты утрируешь.

— Не думаю. Это механизм известный: сначала присягай на верность, целуй крест, а потом все остальное.

— Если все будут такими чистенькими, то никогда ничего не поменяется.

— Так не бывает, чтобы никогда ничего не менялось. Но ты тоже права, если система останется без притока порядочных людей, то загниет, и все может поменяться слишком резко.

Ирина перелистнула страницу. Автор постарался, растянул на целую книгу парочку немудрящих мыслей, но учить надо, ибо спросить могут с любого места.

Судья Ирина Полякова не рассказывала никому о своей беременности, но животик быстро вырос, губы налились, а у секретаря суда глаз оказался наметанный на такие вещи. Через три месяца все всё знали. Ирина думала, председатель разгневется, но он, отец и дед, отнесся вполне добродушно и обещал ей до декрета «легкий труд», то есть самые простые, незамысловатые дела с признаниями и без подводных камней, и, упаси бог, никакой высшей меры. «Готовьтесь к материнству, дорогая Ирина Андреевна, думайте только о приятном, читайте добрые книги, смотрите на красивое и ни о чем не беспокойтесь», — с улыбкой напутствовал он.

Такое лояльное отношение было очень кстати — как раз пошла волна борьбы с хищениями социалистической собственности, вскрывались хозяйственные преступления просто макабрических масштабов, а это все расстрельные дела. Умом Ирина понимала, что все эти деятели торговли нанесли стране огромный ущерб, но сомневалась, что у нее хватило бы духу приговорить к высшей мере человека, который сам никого не лишил жизни.

Инструктор из горкома сказал, что к выборам она как раз выйдет из декрета, а двое детей лучше, солиднее, чем один, только нужно вступить в ряды прямо сейчас, чтобы партстаж был побольше. Тому мужа инструктор не развивал: официально Кирилл Мостовой — рабочий класс, передовик производства, гегемон, словом, отличный супруг для

депутата Верховного Совета. А что он поэт и подпольный рокер — так не смотри и не увидишь. Кирилл так и не сколотил новую группу, творит, как все нормальные люди в СССР, «в стол», и на нем нигде не написано, что он махровый антисоветчик. Ничего подобного, каждое утро встает и идет в свой цех, где является незаменимым работником, уникальным кузнецом ручнойковки.

Ирина вздохнула. Ей нравились стихи Кирилла, но как было бы хорошо, если бы он переболел своей поэзией! В цеху он зарабатывает по пятьсот рублей в месяц, плюс халтурки, о чем еще мечтать? Не пора ли повзрослеть, стать настоящим отцом семейства, и оставить юношеское увлечение, которое не приносит ничего, кроме проблем? Кирилл же не просто лупит молотом, не сваи забивает, а создает настоящие произведения искусства, он нарасхват у самых известных архитекторов, так что его эстетическое чувство и стремление к самореализации должно быть удовлетворено, и филфак ни к чему заканчивать. Жизнь и так удалась, так что нечего ныть, что власть плохая, ведь не выпрыгнешь же отсюда напрямиком в сказку. Надо жить, где живешь, и играть по правилам. Вот и Кирилл бы мог, авторитет у него огромный. Руки золотые, не пьет, не жадный, всегда готов выручить, если какой-то аврал. Вот что в уставе написано про образцового строителя коммунизма, так прямо все про него. Тоже мог бы в заводской комитет свой вступить и приносить людям пользу, решать вопросы по уму. Протест — это дело молодых и одиноких...

Закатив глаза от усердия, Ирина повторила про себя: широкая дискуссия, особенно дискуссия всесоюзного масштаба по вопросам партийной поли-

тики, должна проводиться так, чтобы обеспечивалось свободное выявление взглядов членов партии и исключалась возможность попыток образования фракционных группировок, ломающих единство партии, попыток раскола партии...

Шикарный абзац, будем надеяться, что Кирилл до него не дочитал и никогда не дочитает, иначе ждет ее бурная филиппика. И правда, если вдуматься, то означает это следующее: дискуссия нужна, чтобы вовремя выявить инакомыслящих и как минимум выгнать из партийных рядов. Умный человек поймет, что лишний раз рот лучше не открывать и своими соображениями с товарищами по партии не делиться.

Она вздохнула. Можно послушать Кирилла, спалить устав и больше не возвращаться к этому вопросу. Потянуть до декрета, а потом никто и не вспомнит о ее карьерных устремлениях. Так и проработает до пенсии судьей. Скромная трудовая биография, зато честная. И скучная. Интересные дела бывают раз в год, а то и реже, да и они тоже надоедят.

А Ирина действительно способна на большее и ведь не сама это решила, не лезла наверх, не угодничала, не «заявляла о себе» на каждом углу, нет, просто честно работала, и ее заметили, и поверили, что она может вырасти в крупного руководителя, и готовы помочь, притом без всякого блата. Выпал редкий шанс, неужели надо от него отказаться из-за малюсенькой лжи? Например, Генрих Четвертый ради короны перешел в католичество, рассудив, что «Париж стоит мессы», и ничего, отлично правил и был одним из самых почитаемых королей.

Так что ничего страшного.

Тут за стенкой раздался быстрый дробный топот, и на веранду вбежал Егорка, румяный со сна. Увидев, что дождь все еще идет, он с досадой остановился.

— Скоро кончится, — сказал Кирилл, — ливень долгим не бывает.

Ирина подумала, что надо достать резиновые сапожки, но так уютно было лежать рядом с мужем... Потом, потом.

Кирилл протянул к Егору руки:

— Иди к нам.

Сын покачал головой:

— Нет, я почитаю, можно? Про собаку Баскервилей можно возьму?

— Что ты спрашиваешь? — удивился Кирилл. — Бери что хочешь, здесь все твое.

Ирина встрепелулась, хотела сказать, что Конан Дойла Егору еще рановато, но не запрещать же после того, как Кирилл разрешил.

Родители мужа собрали прекрасную библиотеку, которую пришлось перевезти на дачу после их смерти, когда у Кирилла в коммунальной квартире отобрали две комнаты из трех.

Вся русская классика, Диккенс, Конан Дойл, Джек Лондон, детская литература — на книгах в семье Кирилла не сэкономили.

Теперь Егор с удовольствием осваивал эту сокровищницу, а Ирина, конечно, приветствовала страсть сына к чтению, но в то же время боялась, что он без контроля схватит с полки что-нибудь не то и раньше времени приобщится к тайнам взрослой жизни.

— Бери книжку и прыгай к нам, — улыбнулся Кирилл, — вслух почитаем.

Егор покачал головой;

— Нет, я люблю сам с собой.

— Ладно, как скажешь.

— Он так вычитает, в конце концов, что не надо, — буркнула Ирина, когда Егор ушел.

— Ой, я тебя умоляю! Пусть лучше даже Мопассан, чем сказки краденые!

— Да почему краденые? Прекрасные сказки.

— Не спорю. Но плагиат есть плагиат.

— Ты нудный слишком. Авторы указывали первоисточник, так что нечего бочку катить.

— Ладно, пусть. А настоящие авторы просили перерабатывать их тексты?

— Они уже умерли тогда.

— Тем более. Зачем нужна была эта творческая переработка? Если книга так плоха, то зачем с ней возиться, а если хороша, то зачем что-то в ней менять? Если ты такой умный и талантливый, что видишь недостатки и знаешь, как их исправить, то почему не напишешь собственное произведение?

— У тебя слишком обостренное чувство справедливости. Отличные сказки получились, дети их обожают, кому плохо-то от этого?

— Детям и плохо. В их подсознании укореняется мысль, что можно просто взять то, что тебе нравится, и присвоить, да еще и творчески переработать. Это же не просто народные сказки или легенды, а самостоятельные литературные произведения. Сегодня ребенок прочитает про Буратино, а через двадцать лет к нему попадет статья какая-нибудь из иностранного научного журнала, и он выдаст ее за свою, ну а что такого? Все так делают. Немножко только творчески переработает по части марксизма-ленинизма, и нормально. А кто

пойдет не в науку, а на завод, тоже станут тянуть все, что плохо лежит, чтобы дома творчески переработать.

Ирина вздохнула и поднялась с диванчика.

— А то и еще хуже, — продолжал разглагольствовать Кирилл, — понравится девочка, и кто-то давай ее творчески перерабатывать.

Ирина притворно нахмурилась:

— Ты что сейчас имеешь в виду?

— Переделывать под себя. Ну а что? Толстой сделал из Пиноккио Буратино, так неужели же я любимую женщину под себя не подгоню?

— А ты подгоняешь?

Кирилл тоже встал, с хрустом потянулся и пошел в дом, к печке. Дверь снова не закрыл, и Ирина было видно, как он открыл дверку и кочергой разбил мерцающие угли. Взвилась стайка искр и тут же пропала.

— Нет, Ир, я тебя люблю как есть, — вернувшись, с улыбкой проговорил Кирилл, — даже если ты конформистка и приспособленка, придется мне с этим как-то смириться.

Ирина молча закинула ногу на ногу и с преувеличенным вниманием уткнулась глазами в устав. Кирилл подошел, обнял.

— С другой стороны, ты женщина, — прошептал он ей в плечо, — а я все время забываю, что вы другие. Мягче и ширше.

— Не ширше.

— Но мягче. И, наверное, поэтому правы.

Она пожала плечами. Как знать... Просто ей очень хочется стать депутатом, вот и все.

Дождь все не унимался, наоборот, небо потемнело еще сильнее, где-то вдалеке промелькнула ис-

кра молнии, и чуть позже проворчал гром. Ирина вспомнила, как в детстве папа учил ее, что гром всегда опаздывает, потому что скорость звука ниже скорости света, и по задержке можно вычислить, далеко ли гроза. Как-то он сказал «если ты слышишь свист снаряда, то это не твой снаряд», и Ирина тогда подумала, что папу могли убить на войне, и она бы никогда не родилась. Она тогда почти провалилась в небытие от этой мысли, так глубоко, как это бывает только в детстве, а потом старалась поменьше думать о том, что могло бы быть. И чего не быть.

Как жаль, что у папы родились две девочки, она и сестра, а сына так и не было...

Ирина вздохнула. Отцы куда-то исчезли. Нет, не то чтобы совсем не стало сильных мужиков, но как-то они не бросаются в глаза. Не много их на улицах, и далеко не в каждой семье живет такой мужчина. Одинокая мать, одинокая дочь, и внучка рождается после мимолетного брака, больше похожего на опыление. А на месте главы семьи — пустота и вечная тоскливая жажда счастья.

Господи, как же ей-то повезло с Кириллом! Но, вместо того чтобы радоваться, она, будто старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке», мечтает теперь о каких-то великих свершениях, стать владычицей морской, надо же быть такой дурой, господи!

Поцеловав Кирилла, она пошла в кухню готовить ужин.

Сын читал в большой комнате так увлеченно, что не замечал ничего вокруг. Ирина хотела окликнуть его, приласкать, но потом просто помыла яблоко и тихонько положила на стол рядом с книжкой.

* * *

— Психоанализ — это, конечно, очень хорошо, как наука, но как метод лечения, на мой взгляд, совершенно не работает, — сказала жена.

— Как скажешь, — пожал плечами Гарафеев.

— Будешь еще картошку?

Он не хотел, но зная, как Соня не любит выкидывать еду, протянул тарелку.

Жена бросила пустую сковородку в раковину и налила воды, чтобы отмокло.

Гарафеев сдобрил картошку горчицей.

— Например, аппендицит, — продолжала жена, видимо, репетируя завтрашнюю дискуссию на кафедре, а может, просто для того, чтобы не молчать, — мы же его просто вырезаем, и все.

— Можно и так сказать. Хотя правильнее будет — выполняем аппендэктомию.

— Не суть. В общем, мы же не заставляем пациента глубоко изучать этиологию и патогенез аппендицита в надежде, что от этого у него все как-нибудь рассосется. Просто оперируем, и все.

— И что ты предлагаешь? Мозг людям отрезать?

— Не передергивай. Просто лечение предполагает полезные действия, а не нытье, между тем с психоанализом люди только будут убаюкивать себя, и ничего не делать. Определенно, это не наш метод. Ты согласен?

Гарафеев понял, что это провокация, но все равно поддался:

— Если бы у нас не насаждали насильно атеизм, то твой Фрейд никому бы и так сейчас не сдался. Находили бы люди утешение в чем надо и в чем привыкли, но с тех пор, как в семнадцатом